

жанр был создан казаками и землепроходцами (см.: Андреев А.И. Цит. кн. С.68-71).

В текст Кунгурской летописи автор поместил и несколько сказов. Например, "Сказ о ясашном походе" (подробнее об этом см.: Скрынников Р.Г. Ермак. М., 1992. С.103-108). Но, думается, сказы не следует воспринимать как достоверный материал - они могут служить лишь иллюстрациями к точным историческим фактам.

Таким образом, многоплановость литературных источников, летописная структура, интересные образы и особый стиль повествования выделяют Кунгурскую летопись из ряда так называемых Сибирских летописей. Материал этой летописи может быть использован для дальнейшего исследования.

Л.С.Кислова

ФЕНОМЕН "ПОСЛЕДНЕГО КАРНАВАЛА" В ПРОЗЕ Б.ПИЛЬНЯКА НАЧАЛА 1920-Х ГОДОВ

Участниками "последнего карнавала" становятся практически все герои прозы Б.Пильняка начала 1920-х годов, потому что конец старого мира в его произведении скорее напоминает конец света. Карнавальное безумие "кружит" героев романа "Голый год" (1921), "перебрасывает" их с одной карнавальной "площадки" на другую: в город Ордынин, на станцию "Разъезд Мар", в степные хутора в Поречье, в переполненные теплушки пятьдесят седьмого-смешанного. По мысли М.М.Бахтина, от него (карнавала) некуда уйти, "ибо карнавал не знает пространственных границ". Карнавальное действие закружило и уничтожило коммуны в Поречье, старого князя Ордынина, товарища Лайтиса, Оленьку Кунц и Сергея Сергеевича, Семена Зилотова и архиепископа Сильвестра, Андрея Волковича и Глеба Ордынина. Большинство героев исчезает со страниц романа, и шутовской карнавальный смех звучит как предсмертный хохот, и не случайно пятая глава называется "Смерти", поскольку "последний карнавал" неминуемо заканчивается смертью участников действия.

Предсмертные карнавальные взаимоотношения героев романа "Голый год" достигают своего апогея на разъезде Мар - самом темном месте на земле, месте, на котором никогда не

останавливаются поезда. Игры в карнавального короля на станции "Разъезд Мар" вовсе не забавны, т.к. король "последнего карнавала" - не шутовской образ. От того, кто будет королем на этом карнавале, зависит жизнь участников действия. Король "последнего карнавала" на разъезде Мар - молодой дежурный, маленький наполеон: <<А "Разъезд Мар", где раньше не меняли даже жезлов, строит феерическую карьеру: мечты молодого дежурного сбываются. На "Разъезде Мар" стал заградительный отряд... Теперь поезда здесь стоят сутками>>. Молодой дежурный с достойной лучшего применения энергией поощряет карнавальный беспредел, играя в карнавального короля, т.к. отсутствие "законов, запретов и ограничений" приносит долгожданную свободу, превращая ничтожного человека в могущественного вершителя судеб.

В чад карнавальной стихии гибнут герои рассказа "При дверях" (1919), где праздничная суэта бала-маскарада в сочельник - обстановка, максимально приближенная к традиционно карнавальной, - еще более усугубляет сатанинское веселье "последнего карнавала". Потерявшие закон и вымирающие так же, как Егор и Борис Ордынины ("Голый год"), герои рассказа "При дверях" писатель Яков Камынин, доктор Федоров, красавец кабардинец Танатар в страшном безумии "последнего карнавала" продают дневники и воспоминания, предавая свое прошлое. И только доктор Федоров, на бала-маскараде в коммунистическом клубе пожалевший одинокую маленькую девочку, пытается сбросить карнавальную маску, но жестокие правила "последнего карнавала" побеждают.

Б.Пильняк уделяет слишком много внимания описанию еды на столах горожан, ибо голод - "допинг" участников "последнего карнавала", т.к. голодные лишены разума. Герои Б.Пильняка, упиваясь вседозволенностью, бросаются в карнавальную стихию с головой, чтобы забыть о голоде, мраке и разорении и найти себя в ужасном расколовшемся мире, но происходит обратное, ибо "последний карнавал" смертелен для человека. Раскрепостившийся человек, забывший все устои и нормы, гибнет в новой реальности и становится опасным для окружающих. Время "последнего карнавала" не оставляет выбора героям рассказа "При дверях". Стреляется Танатар - человек с глазами раздавленной ящерицы; готовится к тихой весенней смерти Иван Петрович Бекеша; идут на

биржу труда муза Ольга Веральская и писатель Яков Камынин, с покорностью принимающие смерть духовную.

Карнавальная действительность в повести "Чертополох" (1921) не менее безжалостна. "Развенчание" начальника штаба товарища Черепа как карнавального короля прекрасной дамой в черном с глазами, как "павлиньи перья"-сотрудницей чека, начальником женотдела товарищем Ксенией Ордыниной, женщиной с тремя лицами и его бывшей возлюбленной - еще одна страшная метаморфоза "последнего карнавала". Физическое наслаждение, полученное Ксенией Ордыниной от расстрела товарища Черепа, - тоже дикая профанация "последнего карнавала", полного неожиданных и жестоких шуток, безжалостных карнавальных противоречий. Сама же Ксения Ордынина - персонаж, безусловно, карнавальный, имеющая три облика, три лица, сжилась с ними настолько, что трудно определить, где карнавальная личина: роковая женщина в черном, романтическая девушка с медалью за успехи в институте благородных девиц или сотрудница чека в кожаной куртке и с револьвером у ремня, вся "заанкеченная, закомандированная, замитингованная".

Карнавальное действо в прозе Б.Пильняка происходит в пореволюционной действительности на грани жизни и смерти; всякая беззлобная карнавальная "шутка" оказывается последней, смертельной; все карнавальные противоречия и метаморфозы доведены до абсурда. И "захлебываясь" мнимой свободой в атмосфере вседозволенности "жизни наизнанку", герои карнавала становятся пленниками собственных иллюзий. Таков феномен "последнего карнавала"- жестокого символа трагической романтики суровой и беспощадной эпохи коренной ломки привычных жизненных норм и устоев.

С.А.Комаров

Н.Р.ЭРДМАН В ДИАЛОГЕ С В.В.МАЯКОВСКИМ-КОМЕДИОГРАФОМ

Постановка Мейерхольдом "Мандата", по свидетельству самого режиссера, произвела на Маяковского ошеломляющее впечатление. Он сразу же обещает написать для его театра пьесу, а в стихотворении "Прощание (Кафе)", сданном в печать до заграничного путешествия, обыгрывает мо-